

Упоров И.В., Трачук А.А. Пенитенциарные учреждения для несовершеннолетних в советском государстве до кодификации исправительно-трудового законодательства (1917-1924 годы) // Академия педагогических идей «Новация». Серия: Научный поиск. – 2018. – № 01 (январь). – АРТ 11-эл. – 0,3 п.л. - URL: <http://akademnova.ru/series-scientific-search>

РУБРИКА: ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

УДК 343

Упоров Иван Владимирович

д.и.н., к.ю.н., профессор

Трачук Амаяк Александрович

к.ю.н.

Краснодарский университет МВД России

г. Краснодар, Российская Федерация

**ПЕНИТЕНЦИАРНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ДЛЯ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ ДО
КОДИФИКАЦИИ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА (1917-1924 ГОДЫ)**

Аннотация: В статье раскрываются особенности формирования и деятельности пенитенциарных учреждений, куда помещались несовершеннолетние преступники, в советском государстве начального периода советской власти (1917-1924 гг.). Анализируются нормы законодательных и ведомственных актов, архивные материалы, научные труды по заявленной теме. Отмечается, что советское государство в данной сфере общественных отношений однозначно определила гуманистическое направление. Вместе с тем решение организационных вопросов по устройству детских учреждений, включая их виды, сопровождалось большими сложностями и противоречиями. Не было четкости в

административной подчиненности этих учреждений (НКЮ, НКВД). В определенной степени решению указанных проблем способствовало принятие в октябре 1924 г. первого ИТК РСФСР.

Ключевые слова: несовершеннолетние преступники, пенитенциарные учреждения, реформатории, трудовые дома, воспитательная работы, детская комиссия, НКО, НКВД, ГУМЗ.

Uporov Ivan Vladimirovich

Doctor of History, Candidate of Law, Professor

Trachuk Amayak Alexandrovich

Candidate of Law

Krasnodar University of MIA of Russia

Krasnodar, Russian Federation

**PENITENTIARY INSTITUTIONS FOR MINORS IN THE SOVIET
STATE BEFORE CODIFICATION THE LEGISLATIVE AND LABOR
LEGISLATION (1917-1924)**

Annotation: The article reveals the features of the formation and activities of penitentiary institutions, where juvenile offenders were located, in the Soviet state of the initial period of Soviet power (1917-1924). The norms of legislative and departmental acts, archival materials, scientific works on the stated subject are analyzed. It is noted that the Soviet state in this sphere of social relations uniquely determined the humanistic direction. At the same time, the solution of organizational issues related to the organization of children's institutions, including their types, was accompanied by great difficulties and contradictions. There was no clarity in the administrative subordination of these institutions

(NKJ, NKVD). To a certain extent, the adoption of the first ITC of the RSFSR in October 1924 facilitated the solution of these problems.

Key words: juvenile criminals, penitentiary institutions, reformatory, labor houses, educational work, children's commission, NGO, NKVD, GUMZ.

По состоянию на 1 сентября 1917 года в России функционировало 719 тюрем. Помимо этого существовали 495 этапов и полуэтапов, 704 арестных дома, 20 военных тюрем и дисциплинарных частей, 23 крепости, 23 гаупвахты, 7 тюрем морского ведомства, 20 монастырских тюрем, 61 учреждение для несовершеннолетних, а также множество (более тысячи) арестных помещений при полиции [1, с. 47]. Однако после октябрьской революции 1917 г. большинство из них были разрушены, в том числе это касалось и исправительных заведений для несовершеннолетних. О первых детских исправительных учреждений советского типа впервые упоминается в принятой НКЮ 23 июля 1918 г. Временной инструкции «О лишении свободы, как мере наказания, и о порядке отбывания такового» [2], где указывалось, что несовершеннолетние преступники должны были направляться в закрытые воспитательные учреждения системы НКЮ - реформатории и земледельческие колонии. Первый реформаторий был открыт в Москве в декабре 1918 г. Здесь содержались лица в основном 18-летнего возраста и как исключение - до 21 года. Срок пребывания в реформатории определен не был. Суды выносили неопределенные приговоры, и в дальнейшем судьбу воспитанника коллегиально решало правление учреждения [3, с. 16]. Следует заметить, что такой подход был характерен до середины 1920-х гг. При решении вопроса об учреждении подобного рода реформаториев ставились несколько задач, среди которых важнейшей считалась следующая: «Изъять из тюрьмы молодых людей в

возрасте от 17 до 21 года и поместить последних в учебно-воспитательное заведение в целях обучения, воспитания и подготовки их к трудовой жизни путем преподавания практических знаний и путем расширения общего их интеллектуального развития» [4, с. 71]. При этом особенностью организации и правового регулирования деятельности мест лишения свободы в первые годы после октябрьской революции было предоставление достаточно широких полномочий в решении данных вопросов местным органам власти. Вместе с тем, как нам представляется, такое положение объясняется не столько продуманной политикой советского государства, сколько еще недостаточным его ресурсом для централизации подобного рода деятельности.

В этом смысле характерен пример, когда в 1918 г. съездом комиссаров юстиции Сибири, Урала и Туркестана было принято региональное Положение о колониях для несовершеннолетних, содейвших преступное деяние. Таким образом, в ряде мест наряду с реформаториями открывались и колонии для несовершеннолетних правонарушителей. Для устройства пенитенциарных учреждений для несовершеннолетних использовались, как правило, пригодные для этого здания бывших частных собственников и госучреждений царского режима. Так, в протоколе Президиума Клинского Уездного Совета Раб., Кр. и Кр.-арм. Депутатов от 3 сентября 1919 г. по вопросу об организации дома для малолетних преступников от 3 сентября 1919 г. по ходатайству Отдела социального обеспечения указывалось: «Дом для малолетних преступников организовать и, принимая во внимание, что дом для этой цели можно приспособить в Соличногорской волости, принадлежащий Земскому Н-ку Пантелееву, в котором до настоящего времени живет только 3 лица, жена Пантелеева и 2 детей, а т.к. дом вполне оборудован, а потому он и является самым удобным

для этой цели. Поэтому его и занять, выселив семейство Пантелеева» [5, л. 2]. Разумеется, никакой речи о компенсации собственнику не было речи – экспроприация, как известно, этого не предусматривала. Однако судьба указанных реформаториев для несовершеннолетних преступников оказалась недолгой – сказалось влияние сложных экономических условий, которые не позволили дальше функционировать этим учреждениям, а также ввиду дефицита педагогических кадров, и к концу 1919 г. реформатории стали закрываться.

В марте 1920 г. СНК принял Декрет «О делах несовершеннолетних, обвиняемых в общественно опасных действиях» [6], где указывалось, в частности, что если комиссией будет установлена невозможность применения к несовершеннолетнему мер медико-педагогического воздействия, дело передается комиссией в народный суд. В таком случае несовершеннолетних данной категории по решению суда помещали в трудовые дома, при этом их предписывалось содержать отдельно от взрослых. Несколько позже, в 1921 г., было принято Положение о трудовых домах для несовершеннолетних. Здесь в § 1 указывалось: «Цель помещения несовершеннолетних в трудом - обучить их квалифицированным видам труда, привить им нравственные устои, развить в них высшие духовные интересы, расширить их умственный горизонт путем общего и профессионального образования и создать из них самостоятельных и сознающих свои права и обязанности граждан Советской республики, а также дать им физическое воспитание и оздоровление их посредством гимнастики, спорта и гигиены тела» [7, с. 55]. В этих целях в трудовых домах функционировали общеобразовательные школы и учебно-производственные мастерские. Воспитанники делились на категории в соответствии со степенью нравственно-педагогической запущенности,

возрастом. Кроме того, из воспитанников формировали группы по 10 - 20 человек, каждая из которых находилась в ведении двух воспитателей, выполнявших свои обязанности поочередно. Содержание несовершеннолетних в трудовом доме должно было продолжаться до истечения назначенного судебным приговором срока, а в случае необходимости - до исправления, но не дольше достижения ими 20-летнего возраста.

Однако в реальности ситуация складывалась довольно сложно, что было вполне объяснимо, учитывая последствия Гражданской войны. Так, заведующий отделом народного образования Клинского уезда Московской губернии некто Офицеров в письме от 24 апреля 1920 г. в Клинский же исполком по поводу упомянутого выше дома для малолетних преступников отмечал: «По постановлению Уездного Исполкома в конце прошлого года в ведение Отдела Народного Образования перешли все строения в имении, бывшем Пантелеева, при ст. Подсолнечная, под дом для дефективных детей (следует заметить, что по отношению к несовершеннолетним термин «преступник» на протяжении всего рассматриваемого в настоящей работе периода использовался редко – *авт.*). С переходом этого имения в ведение Отдела во второй половине декабря 1919 года был назначен заведующим домом И.Г. Намнек». Затем сообщается Намнек заболел, долго не могли найти сторожа, и «Только 1-го апреля была назначена на должность руководительницы Т.М. Миловидова, и тогда в дом переведено было пятеро детей из колонии Володарского и четверо отправлено из Клинской милиции, задержанные за разные проступки. Что касается найма кухарки, то, несмотря на неоднократно посылаемые в Отдел Труда запросы, кухарки в доме нет и до сих пор и дети продолжают пользоваться продовольствием из приюта Ленина. С упразднением в некоторых уездах, в том числе и в

Клинском, комиссий о несовершеннолетних, обвиняемых в общественно-опасных деяниях за отсутствием в уездах врачей-психиатров, дом дефективных детей в уезде будет превращен в так называемый «Приемник», который предполагается организовать в г. Клину, а дом Пантелеева обращен в детский приют для отсталых, в который переведены дети из приюта Ленина и других, и в данное время в нем числится 16 детей. Вообще надо сказать, что за время организации дома для дефективных детей сменилось три заведующих Уездным Отделом Образования и другого персонала Отдела, что не могло не отразиться самым отрицательным образом на продуктивности работы по организации дома, и в силу этого обстоятельства работа по организации более быстрым темпом пойти и не могла» [5, л. 349-249об]. Такое положение было во многих местах, если не в большинстве регионов советской России.

Откликаясь на эту ситуацию, Деткомиссия ВЦИК 9 апреля 1921 г. направила следующую телеграмму-циркуляр: «Передаю для исполнения следующий циркуляр Наркомпрода Губпродкомам кавычки связи объединением всего снабжения предметами оборудования и инвентаря питательных пунктов Наркомпроса и Наркомздрава Наркомпроде зпт Отдел Общепитания предлагает руководства всего поступающего инвентаря общественного питания удовлетворять первую очередь призреваемых детей Наркомпроса и Наркомздрава скоба Детские дома приюты колонии и тому под. скоба и больницы полностью при недостатке инвентаря в размере семьдесят пять процентов точка Вторую очередь тире богадельни тюрьмы и арестные дома зпт интернаты взрослых сокращением до пятидесяти процентов потребности тчк Третью детские столовые скоба школьные зпт детские сады зпт коммуны и тому подобное скоба с сокращением сорока процентов потребности тчк четвертую тире столовые

взрослых сокращением при недостатке до двадцати процентов потребности. Член Коллегии Наркомпрода ЛОБАЧЕВ, Управляющий Отделом ЯКОВЛЕВ, Зампредкомиссии КОРНЕВ» [8]. Как видно, первоочередное обеспечение касалось именно несовершеннолетних, и в этом усматривается элемент достаточно гуманистической политики в отношении данной категории лиц.

Между тем в 1922 г. фактическое положение в местах лишения свободы значительно осложнилось из-за того, что они переводились с централизованного снабжения на местные бюджеты губисполкомов. В этой связи Центральный исправительно-трудовой отдел НКЮ РСФСР, представил в Народный комиссариат финансов список мест заключения, которые, в силу их значимости для пенитенциарной системы, предлагалось оставить на государственное снабжение, в то числе в этом перечне были Сокольнический, Московский трудовой дом для несовершеннолетних, Петроградский российский реформаторий, Петроградский трудовой дом для несовершеннолетних [9, с. 24]. Однако вскоре часть пенитенциарных учреждений для несовершеннолетних были переданы в ведение ГУМЗ НКВД РСФСР. В итоге на начало 1922 г. в ведении ГУМЗ находилось четыре трудовых дома для несовершеннолетних (в Москве, Петрограде, Саратове и Иркутске) с общим лимитом 531 место. В этой связи в отчете ГУМЗ за 1922 г. указывалось: «Дело принудительного воспитания несовершеннолетних правонарушителей пока еще также не стоит на должной высоте, т.к. большинство несовершеннолетних заключенных за недостатком специальных учреждений (трудовых домов) находится в особых отделениях исправдомов в условиях, не удовлетворяющих тем задачам, какие ставятся специальным учреждениям по перевоспитанию подростков» [10, с. 19]. Анализ этого и других документов дает основание

делать вывод о том, что такое положение, когда несовершеннолетние осужденные к наказанию в виде лишения свободы содержались не в отдельных исправительных учреждениях, а в общих, предназначенных для взрослых, пусть даже и в специальных отделениях таких общих мест заключения, было повсеместным. Негативные последствия такого подхода отмечались на пятом Всероссийском съезде заведующих отделами губернских управлений, который проходил в 1922 г. В резолюции съезда указывалось, в частности, что, коль скоро линия пенитенциарной политики в государстве одна, то «вредным для дела является раздельное управление местами лишения свободы в двух различных ведомствах». Выступивший на съезде представитель НКВД прямо говорил о том, что НКЮ допустил «разрушение тюремного аппарата ... в частности, почти совсем растерял уездные тюрьмы. В то же время Главное управление принудительных работ буквально из ничего менее чем за три года создало довольно мощную организацию лагерей, давшую возможность снять их даже с государственного обеспечения» [11, л. 60. 65]. Между тем, как справедливо замечает М.Г. Детков, такая оценка была явно завышена [12, с. 57]. Так, в одном из докладов комиссии, образованной по решению Президиума ВЦИК для решения вопроса о нетрудоспособных в лагерях, отмечались «крайне тяжелые условия, переживаемые ныне лагерями, в виду чрезмерного сокращения отпускаемых на заключенных пайков, наблюдающихся на этой почве массовых эпидемиологических заболеваний, увеличившейся смертности от истощений [11, л. 30]. Тем не менее на сей раз верх оказался за НКВД, в состав которого входил ГУМЗ, и в ведение которого были переданы трудовые дома. Сначала такие трудовые дома создавались только в крупных городах, в числе которых помимо указанных выше были Иркутск, Киев, Харьков, Казань и др. По данным ГУМЗ на середину 1920-х гг.

численность несовершеннолетних правонарушителей в трудовых домах составляла около двух тысяч подростков. Каждый из вновь поступавших в трудовой дом обязательно помещался в особое отделение для новичков (так называемые «новицианты») на срок до двух месяцев, где он подвергался наблюдению и обследованию как со стороны педагогов, так и со стороны врачей-терапевтов и психиатров в целях полного выявления его умственного и нравственного облика, его прошлого и степени осведомленности как о приемах совершения преступления, так и о преступной субкультуре. На основании результатов первоначального изучения несовершеннолетних они распределялись по группам в зависимости от уровня умственного развития, проявленных интересов, возраста и степени педагогической испорченности. За хорошее поведение и успехи в занятиях воспитанники могли получать отпуск домой сроком до двух недель [7, с. 57].

К тому времени после формирования надзирающих государственных органов состояние дел с содержанием несовершеннолетних правонарушителей стало предметом внимания прокуратуры, представители которой проводили проверки соответствующих учреждений, и каждый раз в итоговом документе отмечалось большое количество недостатков. Так, в Докладе прокурора для поручений при Наркомате юстиции Р.П. Катаняна «О состоянии детдомов в Тульской губернии» от 27 марта 1924 г. указывалось следующее: «Актов обследования детдомов при участии прокуратуры не имеется, всего было одно обследование. Между тем положение с единственным в городе детдомом для морально-дефективных детей воистину вопиющее, несмотря на возражения прокуратуры, он в целях предоставления помещения для нужд тердивизии был перемещен из г. Тулы за 8 верст по Воронежскому тракту в здание, абсолютно непригодное

по своим размерам для детдома. При обследовании (без участия прокуратуры) детдома 28/ХІІ 1923 г. оказалось, что не хватает коек, вследствие чего на койках спят по двое; на 10 койках нет досок, и детям приходится спать на железных перекладинах; матрацы грязные, одеяла представляют собой рухлядь, постельного белья вовсе не имеется, в прочем острый недостаток, две классные комнаты совершенно не оборудованы, имеют запущенный вид нежилого помещения, в столярной мастерской нет <ни> инструментов, ни материалов; из 25 детей работой заняты только 7; полное отсутствие учебных пособий, недостаточное питание. Так обстоит дело с единственным детдомом в г. Туле, всего-навсего рассчитанным на 25-30 несовершеннолетних правонарушителей, в то время как детская преступность значительна. За неимением соответствующих учреждений (прокуратура в феврале сего года возбудила вопрос об открытии детдома на 75-80 детей, но все это пока лишь в стадии предположений), - Комиссия фактически лишена возможности проводить какие-либо реальные меры медико-воспитательного воздействия и вынуждена большинству проходящих и нуждающихся в таком воздействии несовершеннолетних отказывать, отпуская их на все 4 стороны, в жертву беспризорности; не удивительно, что встречаются частые случаи рецидива ... Характерный штрих, дополняющий картину борьбы с детской преступностью и беспризорностью в г. Туле, бросает и находящееся в производстве ст. следователя Пузакова дело о трагической смерти девочки в детдоме имени т. Крупской: девочка сгорела 24 декабря 1923 г., причем в акте обследования этого детдома инспектор Губоно тов. Фирсов констатирует, что состояние помещения таково, что и в дальнейшем от повторения несчастных случаев уберечься невозможно: так, в уборных и комнатах, прилегающим к ним, полы прогнили и дети с 3-го этажа могут провалиться вниз в выгребные

ямы, балки прогнили и пол висит без опоры» [13].

Столь сложное положение с организацией деятельности пенитенциарных учреждений для несовершеннолетних требовало существенных изменений в этой сфере. В определенной степени решению указанных проблем способствовало принятие в октябре 1924 г. первого Исправительно-трудового кодекса РСФСР, согласно которому (ст. 46) для осужденных несовершеннолетних преступников предусматривались трудовые дома, где они должны были отбывать уголовное наказание в виде лишения свободы и где с этой категорией несовершеннолетних преступников должна была проводиться воспитательная работа. Соответственно упорядочивалась деятельность других учреждений, связанных с предупреждением девиантного поведения несовершеннолетних и оказанию им необходимой социально-правовой помощи.

Список использованной литературы:

1. Кузьмин С.И. ИТУ: история и современность / Человек: преступление и наказание. 1995. № 2. С.41-57.
2. Временная инструкция «О лишении свободы, как мере наказания, и о порядке отбывания такового» (утверждена НКЮ 23.07. 1918 г.) // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917–1952 гг.). М., 1953. С. 30–32.
3. Кудимов А.Ф. Историческая справка о создании и организации пенитенциарных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей // Вопросы ювенальной юстиции. 2006. № 3. С. 14-18.
4. Материалы Народного Комиссариата юстиции. 1920. Выпуск 8.
5. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 56. Д. 30.
6. Декрет СНК «О делах несовершеннолетних, обвиняемых в общественно-опасных деяниях» от 04.03.1920 г. // СУ РСФСР. 1920. № 13.
7. Панкратов Р.И., Тарло Е.Г., Ермаков В.Д. Дети, лишённые свободы. М.: Юрлитинформ, 2003.
8. Циркуляр Деткомиссии ВЦИК «Всем губуполномоченным по улучшению жизни детей» от 21.04. 1921 г. // ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 95. Д. 45. Л. 132.
9. Еженедельник советской юстиции. 1922. № 34.
10. Пенитенциарное дело в 1922 г. М.: ГУМЗ НКВД РСФСР, 1923.
11. ГАРФ. Ф. 4042. Оп.2. Д.2.

12. Детков М.Г. Содержание пенитенциарной политики Российского государства и ее реализация в системе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в период 1917–1930 годов. М., 1992.

13. Доклад прокурора для поручений при Наркомате юстиции Р.П. Катаняна «О состоянии детдомов в Тульской губернии» от 27.03.1924 г. // РГАСПИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 725. Л. 60-60об.

Дата поступления в редакцию: 22.01.2018 г.

Опубликовано: 27.01.2018 г.

*© Академия педагогических идей «Новация». Серия: «Научный поиск»,
электронный журнал, 2018*

© Упоров И.В., Трачук А.А., 2018